

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

УДК 330.8

В. Т. Рязанов

РУССКАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ: УНИВЕРСАЛЬНО-ВСЕОБЩЕЕ И НАЦИОНАЛЬНО-ОСОБЕННОЕ

В последнее время в экономической науке России ведется достаточно активное обсуждение вопросов, связанных с историей ее становления и развития, особенностями и местом в мировой экономической мысли. Повышенный интерес к данной теме определяется прежде всего стремлением восполнить возникшие в этой области пробелы с одновременным осмыслением сложившихся в прошлом научных традиций и возможным их продолжением в нынешних научных изысканиях. Подчеркнем, что и в предшествующий период выходили книги, посвященные истории экономической мысли России (СССР) (отметим некоторые из них: [1–6]). Знаменательным фактом стало и то, что в 1990-е годы было переиздано немалое количество работ русских экономистов дореволюционного и послереволюционного периодов, что существенно расширило возможность изучения их творческого наследия. Так, например, в серии «Памятники экономической мысли» вышли работы А. В. Чайнова, Н. Д. Кондратьева, Л. Б. Кафенгауза, В. В. Новожилова, И. Ф. Гиндина, М. И. Туган-Барановского, А. Л. Вайнштейна и др. В серии «Российская экономическая мысль» были опубликованы работы таких русских экономистов, как И. К. Бабст, И. Янжул, В. П. Безобразов, И. Т. Посошков, И. М. Кулишер, В. В. Святловский, М. И. Туган-Барановский, В. Я. Железнов и др.

Следует также отметить и определенный интерес к истории русской экономической мысли, проявляемый зарубежными исследователями, особенно немецкими. В этой связи достаточно выделить вышедшие в последние годы работы экономистов из Англии (В. Барнета) и Германии (Й. Цвайнерта) (см., напр.: [7; 8]).

Есть еще один аспект растущего интереса к истории экономической мысли России. Речь идет о том, что научное обоснование современных проблем рыночной трансформации

Виктор Тимофеевич РЯЗАНОВ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУ. Окончил Экономический факультет ЛГУ (1972) и аспирантуру (1978). С 1968 г. работает в ЛГУ, с 1972 — на Экономическом факультете. В 1989–1994 гг. — декан факультета, с 1995 г. — зав. кафедрой. Автор более 140 научных работ, в том числе 11 монографий (4 индивидуальных и 7 коллективных: руководитель авторских коллективов, автор, соавтор). Монография «Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.» (СПб., 1998) издана при финансовой поддержке РФФИ. Научные интересы: теория экономического развития России, макроэкономические и институциональные проблемы переходной экономики. Избран действительным членом Академии гуманитарных наук и РАЕН. Заслуженный работник высшей школы РФ.

страны не может не учитывать как аналогичный практический опыт хозяйствования прошлых периодов, так и опыт научных дискуссий прошлого. В этом случае следует иметь в виду наличие линий преемственности не только в самом экономическом развитии, но и в научных идеях, его сопровождающих.

При этом в обсуждении проблем становления и развития русской экономической мысли наиболее острую полемику продолжает вызывать сама правомерность выделять ее как самостоятельное направление, рассматривая последнее в качестве «русской экономической школы». Важным этапом в такой постановке проблемы были научные конференции на данную тему, которые прошли в 2000 и 2003 гг. По их материалам были опубликованы коллективные монографии с изложением несовпадающих позиций [9; 10], которые стимулировали продолжение обсуждения поставленных вопросов в других публикациях.

Может показаться, что столь обостренный интерес к вопросу о том, следует ли считать русских экономистов создателями самобытной школы или она находилась в общем русле развития мировой экономической мысли, является чрезмерно обостренным и не столь значимым для ее содержательной оценки. Ведь в конечном счете более существенно то, что собой представляли выдвигаемые идеи сами по себе и насколько они помогли развиваться экономике страны, успешно отвечая на возникающие вызовы. Однако именно здесь и лежит, возможно, главное объяснение расхождений о месте и роли экономической науки России. Дело в том, что экономическое развитие страны и особенно проводимые в ее истории реформы оказались не столь успешными, а оценки причин их неудач расходятся. Закономерно, что принципиальным стал вопрос о возможности и целесообразности в обосновании экономического курса страны сделать ставку на воспроизведение опыта других стран или опираться на самостоятельность и поиск своего пути в экономическом развитии.

Как при первом, так и при втором подходе неизбежно возникает вопрос о месте и роли экономической науки: достаточно ли потенциала мировой экономической мысли для решения научных и практических задач хозяйственного развития страны или перед российскими экономистами стояла и стоит задача разработки собственной теории с обоснованием проводимой экономической политики? Ответ на поставленный вопрос подводит к существованию обсуждаемой проблемы, касающейся возможности утверждать наличие русской школы экономической мысли.

Прежде чем высказаться по этой проблеме, полезно разобраться с самим вопросом о научных школах в экономике вообще и применительно к их национальным проявлениям.

О национальной экономической науке и научных школах

Можно выделить несколько подходов относительно проводимой систематизации истории развития экономической мысли. Первый подход можно обозначить как «хронологический», при котором раскрываются особенности утверждения экономических идей в разные исторические эпохи, их взаимодействие, эволюция и борьба за лидерство в науке¹. Такой наиболее простой подход к истории экономических учений позволяет в повествовательной форме излагать общую историю их развития, обращая внимание на исторические предпосылки рождения научных взглядов и их трансформацию по мере хозяйственного переустройства стран, преемственность и новаторство в области научного творчества. Нередко именно этот подход используется при написании соответствующих учебников и подготовке учебных курсов.

Второй подход разработан в первую очередь в недрах марксистской школы и связан с преимущественным акцентом на социально-классовой характеристике существующих экономических теорий. В соответствии с ним различия, противоречивый характер и борьба

научных школ в экономике отражают несовпадение интересов борющихся классов и социальных групп. То, что за хозяйственными процессами и принятием экономических решений стоят интересы конкретно-исторических групп людей (классов, социальных групп), это бесспорный факт. Поэтому достоинством социально-классового подхода является то, что его использование позволяет в немалой степени раскрыть одну из существенных предпосылок в объяснении возникновения многообразия научных школ в экономике. При этом для него становится характерным возникновение не взаимно дополняющих, а принципиально противоположных систем научного знания, находящихся в ситуации непрекращающейся острой идейной борьбы. Приходится считаться с тем, что экономическая наука, находясь в эпицентре столкновения экономических интересов разных групп населения, не может не отражать их в своих научных позициях. Насколько это значимо, можно судить по такому меткому высказыванию А. Уайтхеда: «Если бы теорема Евклида затрагивала финансовые или политические интересы, то она была бы предметом самых яростных споров» [11, с. 16].

Чаще всего социально-классовый подход отождествляется с идеологической функцией экономической науки, в своем крайнем выражении стирающей грани между ней самой и идеологией. Тогда и экономическая наука в своих конкретных проявлениях рассматривается как отражение идеологии, господствующей в соответствующие периоды общественного развития.

Третий подход связан с разработкой идеи о зависимости возникновения экономических доктрин от особенностей конкретно-исторического типа хозяйственного устройства и быта страны, а в более широком контексте — от всего комплекса цивилизационного своеобразия. Это означает, что само их появление не носит случайного характера и не обусловлено исключительно внутренней логикой развития самой экономической науки, а закономерно отражает многообразие условий хозяйствования и выступает реакцией науки на общественные запросы. Поэтому главная черта данного подхода заключается в том, что история развития экономической науки изучается в тесном взаимодействии со спецификой хозяйственного устройства. В констатации такой непосредственной связи теории и практики состоит достоинство данного подхода, определяемое особым вниманием к практической функции экономической науки, ее важной роли в осмыслении выбора стратегии экономического развития и проводимой хозяйственной политики.

Наконец, еще одним подходом в характеристике развития экономической науки и в проведении классификации научных школ, получившим широкое распространение во второй половине XX в., стал «аналитический» подход. В его разработку большой вклад внес Й. Шумпетер, который в фундаментальном исследовании «История экономического анализа» (1954) предложил новую версию истории развития экономического знания. В его исследовании экономика как наука — «это любая область знания, выработавшая специализированную технику поиска и интерпретации (анализа) фактов». Или другое его определение характеризует ее как «знание, вооруженное инструментами» [12, с. 252]. В этом своем аналитическом качестве развитие экономической науки выступает как история разработки и совершенствования техники экономического анализа, что, по мнению Шумпетера, позволяет отграничить ее от истории систем политической экономии и истории экономической мысли.

При этом под системой политической экономии понимается изложение системы экономической политики, базирующейся на каком-то едином нормативном принципе (к примеру, экономическом либерализме или социализме). Что касается экономической мысли, то она трактуется как совокупность всех мнений и пожеланий по экономическим

вопросам (и в первую очередь по экономической политике), имеющим хождение в общественном сознании в данное время и в данном месте [12, с. 278].

То, что разработаны и могут использоваться разные способы систематизации развития экономической науки, дополнительно подтверждает многообразие ее функций, таких как познавательная, идеологическая, практическая, аналитическая, прогностическая, которые она выполняет в обществе. Поэтому и ее характеристики могут строиться на этих разных срезах, решая соответствующие исследовательские задачи. Тем не менее представление о наиболее всесторонней и содержательной истории науки должно все же предполагать не разъединение, а соединение приведенных подходов.

Дополним общие рассуждения о развитии экономической науки вопросом о возможности выделения в этой общей конструкции национальных экономических школ. Насколько правомерно утверждение об их существовании и как в таком случае они соотносятся с мировой экономической наукой? Или в другой редакции вопрос заключается в том, насколько вообще оправданно рассматривать экономическую науку как национальную.

Среди экономистов распространено мнение, отвергающее саму идею национальной экономической школы. Оно пользуется поддержкой немалого числа исследователей и основывается на том, что экономическая наука, как и любая другая (физика, химия, математика и т. п.), не имеет национальных границ и в принципе выступает как интернациональная творческая деятельность². К тому же ее ориентация на поиск истины в научных исследованиях, который определяет их главную и содержательную цель, должна тем более снять национальную окраску в экономических исследованиях. Особенно такая установка значима, если рассматривать экономическое знание как отражение универсальных хозяйственных процессов, участником которых выступает «экономический человек» со стандартным набором свойств и интересов. Тогда экономическая наука приобретает свойство всеобщего научного знания, одновременно ориентированного на изучение всеобщих (общезначимых) форм организации хозяйственной жизни и обеспечения экономического роста, а сама она превращается в универсально-всеобщую науку о хозяйственных процессах и экономическом развитии.

В известном смысле представление об экономической науке как науке о всеобщем в хозяйственной деятельности воспроизводит подход Гегеля к объяснению места и роли философии. Согласно одному из его определений, философия изначально являлась наукой о всеобщем, а ее предметом выступало «познание устойчивой меры и *всеобщего* в море эмпирических единичностей...» [13, с. 91].

Такая трактовка места и роли экономической науки прежде всего характерна для неоклассической научной парадигмы, претендующей на доминирующую позицию в системе экономического знания. Она не отвергает наличие других научных школ, которые понимаются как исторически предшествующие мейнстриму или как ее дополняющие с возможным несовпадением по каким-то параметрам или как периферийные (маргинальные) научные теории, противоречащие основному руслу современной экономической мысли. Что же касается «национального признака», то он отвергается в качестве необходимого классифицирующего признака в характеристике научных школ экономики, поскольку он мало что дает для понимания логики развития аналитического аппарата в экономических исследованиях и для выявления прогресса в его использовании.

При этом роль национального фактора может и не отвергаться, но она сводится к национально-культурному колориту и особенностям экономического менталитета, которые в совокупности воздействуют на возникновение определенных национальных традиций в становлении и развитии экономической науки в отдельных странах. Иначе говоря,

при представленном подходе национальный срез экономических исследований ограничивается учетом социокультурной специфики в проявлении всеобщего в экономике в русле единого (общемирового) хозяйственного процесса.

Альтернативный подход допускает возможность выделения национальных экономических школ. Сразу же следует подчеркнуть, что данный подход изначально строится на принципиальном несовпадении позиций по поводу самой трактовки экономики как науки. Если для сторонников универсально-всеобщего подхода возникновение специализированной экономической науки объясняется обособлением экономики в отдельную подсистему общества и появлением экономического человека³, то его противники исходят из ее расширительной версии, которая предполагает отказ от представления об автономности и самодостаточности сферы экономики в жизни общества. Именно такая трактовка дает возможность рассматривать экономику в органической и неразрывной связи с особенностями цивилизационного устройства, с накопленным духовным и мыслительным опытом наций. Встроенность экономической науки в цивилизационный каркас позволяет выявлять собственные научные и практические основания применения «национального признака» в классификации экономических школ.

Заметим, что в истории мировой экономической мысли хорошо известны примеры использования в обозначении научных школ привязки к национальной почве (стране или месту происхождения). В этой связи можно вспомнить о таких научных школах в экономике, как английская и австрийская политическая экономия, немецкая историческая школа. Также отметим и то, что еще чаще в их названии присутствуют университеты (научные центры), в которых разрабатывались конкретные экономические теории или работали самые авторитетные их представители. К их числу относятся наиболее известные в настоящее время научные школы таких университетов, как Чикагский, Кембриджский, Стокгольмский и др.

Конечно, как в одном, так и в другом случае формально речь идет о месте зарождения или наивысшего расцвета той или иной научной школы. Вместе с тем ясно, что относительно национальных школ такого рода обозначения не просто указывают на страны происхождения соответствующих научных взглядов, но и в значительно большей мере отражают специфику менталитета народа, историю хозяйственного развития, социокультурные особенности и т. д., которые не могут не влиять на возникновение определенных традиций в исследовательской практике. К тому же национальные экономические школы выделяются своим более пристальным вниманием к особенному в самом экономическом развитии, что их отличает от научных школ, претендующих на всеобщность.

Рассмотрим более подробно аргументы, в соответствии с которыми можно судить об обоснованности выделения национальных экономических школ.

Хотя при отсутствии искусственных барьеров (в истории же они периодически возникали, так же как в реальной научной деятельности существует и непреодолим недостаток общения экономистов) мировая экономическая мысль не распадается на обособленные и непроницаемые отсеки, развиваясь посредством взаимодействия, взаимообмена и открытого сотрудничества, тем не менее она не существует вне привязки к конкретному месту (стране, региону). Данное обстоятельство характерно не только применительно к рождению тех или иных научных идей, о чем уже речь шла. Важно подчеркнуть и то, что, проникая в другие страны, они нередко приобретают свои отличия по мере дальнейшего распространения. Поэтому самой простой формой «национального» в экономической науке является факт ее присутствия (или, возможно, отсутствия) в той или иной стране.

Фактически это означает, что в каких-то случаях накопленного опыта в мировой экономической мысли хватает для выполнения экономической наукой всех своих основных функций в данной стране, а она воспринимается как всеобще-универсальная, объяснительный и практический потенциал которой в состоянии удовлетворить главные потребности общества в ней. В других случаях всеобще-универсального в накопленном экономическом знании может оказаться недостаточно для познания хозяйственной реальности и определения эффективных путей развития народного хозяйства. Поэтому важно разобраться в причинах ограниченности применения всеобще-универсального экономического знания, поскольку именно оно и рождает сильный импульс для разработки национально-особенной части экономической теории.

Для этого обратим внимание на несколько существенных обстоятельств (оснований), которые влияют на возникновение и развитие национально-оформленных экономических идей.

Во-первых, хозяйственная жизнь в любой стране выступает в неразрывном единстве всеобщего, особенного и единичного. Поэтому ее исследование только с позиции всеобщего, основываясь на использовании универсальных и общезначимых принципов познания, как минимум приводит к ограниченности и обеднению представлений экономистов о хозяйственных процессах в отдельных странах. В худшем варианте не исключена возможность получения искаженных и неверных представлений о них, что чревато ошибочным выбором при принятии управленческих решений на разных уровнях народного хозяйства.

Если экономическое развитие — это взаимосвязь и взаимопереплетение всеобщего, особенного и единичного, то и структура мировой экономической мысли не может его не отражать. Это означает, что наличие особенного в экономике побуждает разрабатывать экономические теории, объектом которых выступают национальные хозяйственные системы. Данное обстоятельство можно рассматривать в качестве первого методологического и практического основания выделения национальной школы в тех случаях, когда такое особенное значимо и оно требует своего отражения в создании собственной модели хозяйства и в особенностях проведения экономической политики. Присутствие в мировой хозяйственной практике реально существующего многообразия в национальных хозяйственных моделях подтверждает объективную потребность в теории национально-особенного в хозяйственном устройстве и экономическом развитии.

В свою очередь, всеобщее в науке как сложное взаимодействие научных школ и направлений проявляется через особенное, которое предстает в виде национального своеобразия и традиций в подходе к изучению системы хозяйствования, прежде всего своей, принимая окончательное выражение в возникновении национальных школ экономики. В этом случае их объектом изучения становится национально-особенное в хозяйственном устройстве и экономическом развитии⁴. Важно подчеркнуть, что пристальное внимание к особенному акцентирует наличие недетерминированности в экономике, присутствие в ней уникального и неповторимого⁵. И чем многообразнее и масштабнее национальная специфика, тем выше потребность в разработке своей экономической концепции, которая может выступать в двух возможных вариантах: в виде приспособления всеобщих форм хозяйствования или через создание своей хозяйственной системы, подкрепленной соответствующей школой научной мысли. Она может взаимодействовать и использовать разработки других школ, в том числе претендующих на раскрытие всеобщего и универсального в экономике, но главным ее предназначением становится учет национально-особенного в экономическом развитии.

Обращаясь к современным проблемам экономического развития, можно ли объяснять, к примеру, успех восточноазиатских стран (Японии, Южной Кореи, КНР и др.), не принимая во внимание роль не только социокультурных, но и религиозных и других цивилизационных факторов. В этой связи не случайным представляется разработка по сути дела нового подхода к теории экономического роста, непосредственно включающего в свой состав действие неэкономических факторов (см., напр.: [16; 17]).

Во-вторых, еще одним основанием возникновения национальных экономических школ является то, что экономическое знание, формируемое в каждой стране, не может не отражать своеобразие национального менталитета и определенного типа мыслительной деятельности. Тем более что и хозяйствующие субъекты в реальной экономике не могут быть ограничены только абстрактным «экономическим человеком», выступая в каждом случае как вполне конкретный «национальный человек». В этом своем качестве нация играет значимую роль в осмыслении места в мире и хозяйстве. Общий язык и культурная традиция, лежащие в ее основании, превращают обособленных и различающихся по характеру и по многим другим признакам индивидов и групп в общность, в которой они скреплены узами, как правило, более прочными и устойчивыми, чем, к примеру, социально-классовые.

Роль нации в хозяйственной деятельности подтверждается еще и другим обстоятельством. Дело в том, что для нее самой организация хозяйства выступает неотъемлемой сферой формирования соответствующей стороны мировоззрения и ценностных ориентаций. Не случайно само представление об экономике и ее роли в жизни общества, так же как и широкий набор взглядов на экономические категории и методы хозяйствования, существенно отличается не только между основными цивилизациями, но и внутри их по более узкому этническому признаку. Поэтому возникающие национальные экономические школы играют значимую роль в формировании основ национального самосознания и мировоззрения.

Наконец, отметим и то, что экономическая наука приобретает национальный характер и в том элементарном смысле, что ее научный лексикон строится на использовании языка своей нации. Как писал еще Г. И. Федотов, «язык не есть простое орудие, средство обмена мыслей. Язык — тончайшая плоть мысли, не отделимая от ее природы» [18, с. 448]. В этой связи стоит вспомнить, что первый русский учебник политической экономии А. И. Бутовского («Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии». Т. 1–3) был издан в 1847 г.⁶ При этом особо следует подчеркнуть, что был он не просто на старославянской основе⁷. Такой путь выстраивания экономического знания был весьма перспективен. Ведь чем в большей степени экономическая наука конкретной страны опирается на национальный язык, тем более термины и категории открываются для понимания во всем многообразии их оттенков и контекстов значений и смыслов описываемых экономических фактов и явлений, и значит, содействуют продуктивному диалогу между учеными и развивают саму науку. Еще более важно, что такая открытость для понимания обеспечивает незатрудненное проникновение научных знаний в общество в интересах практического применения в хозяйствовании и просветительстве. К сожалению, опора на русскую лексику в экономической науке не закрепилась.

В-третьих, надо учитывать, что за реальной экономикой не только стоят общие принципы функционирования хозяйственных систем и нейтрально протекающие процессы, но, скрываются национальные экономические интересы и ведется жесткая конкурентная борьба за наиболее выгодные позиции в международном разделении труда⁸. Примечательно, что уже в конце XIX в. В. Зомбарт, возражая К. Марксу, писал о недостаточности принципа классовой борьбы и о необходимости дополнить его принципом борьбы на-

ций. В этой связи отметим, что страны-лидеры смогли ими стать, помимо всего прочего, и благодаря тому, что их цивилизационные и формационные особенности превратились во всеобщие (общемировые). И экономическая наука в такой борьбе стран за улучшение своих позиций в мировой экономике и лидерство играла ключевую роль⁹.

Характерно в этой связи и появление расхождения оценок роли экономической науки в жизни общества, которое уже возникло между родоначальниками английской политической экономии (А. Смитом) и немецкой национальной экономией (Ф. Листом). Немецкий экономист, позицию которого впоследствии активно развивал в России С. Ю. Витте, противопоставляя два подхода, утверждал, что экономия политическая (или национальная) «учит, каким образом данная нация при современном положении всего света и при наличности особых национальных отношений может сохранять и улучшать свое экономическое положение», в то время как экономия космополитическая (мировая) «исходит из гипотезы, что нации всего земного шара образуют собою одно общество, пребывающее в вечном мире» (см.: [21, с. 116]).

Можно сформулировать гипотезу: становление лидерства страны в мировой экономике (или точнее, определенного типа национального хозяйства) опирается на утверждение ее господствующей школы в качестве науки о всеобщем, формулирующем общие закономерности и правила хозяйствования. Стремление занять ведущие позиции в мировой экономической науке отражало далеко не второстепенный момент в конкурентной борьбе стран по чрезвычайно важному вопросу: кто будет определять правила игры в экономической теории, а значит, в экономическом развитии. Та страна, которая могла обеспечить свое доминирование в мировой экономической науке, создавала платформу для получения дополнительных конкурентных преимуществ и в экономическом соревновании стран. Поэтому страны-лидеры так упорно отстаивают претензию «своих» экономических теорий, фактически построенных на описании их национальных хозяйственных систем, на роль всеобщих (универсальных). Наглядный пример успешной реализации такой стратегии дает история экономического успеха стран Запада, которая свидетельствует о наличии тесной связи хозяйственных достижений с доминированием рожденных в их недрах экономических постулатов, которое было обеспечено через активное навязывание другим странам в качестве важнейших теоретических трафаретов.

Проведенный анализ позволяет заключить, что экономическая наука приобретает национальную окраску еще в одном своем аспекте, играя важную роль в обосновании природы национальных экономических интересов страны и необходимости их последовательного отстаивания в стратегии экономического развития.

Таким образом, сформулированный ранее вопрос о том, может ли экономическая наука быть национальной, для утвердительного ответа имеет достаточно веские основания. И как может быть иначе, если одним из главных объектов экономического анализа даже в условиях современной глобализации остается национальная экономика, определяющая объективную необходимость возникновения теории национально-особенного как составной части экономической теории; если непосредственными участниками хозяйственных процессов выступают нации со своими социокультурными, религиозными, поведенческими традициями и особенностями экономического мышления; если экономическая наука играет важную роль в обосновании национальных экономических интересов и в их защите; если наука и экономисты используют язык своей нации в творческой деятельности и в реализации ее результатов в хозяйственной практике.

Всеми этими признаками экономическая наука существенным образом отличается от наук, изучающих природу, космос и т. п., хотя применительно и к ним не исключено

появление своих национальных исследовательских традиций и своеобразия. Приведенные аргументы не означают, что в каждой стране и на всех этапах обязательно возникает своя национальная школа. Наличие «своей» экономической школы — это один из коренных признаков, подтверждающий сохранение цивилизационного своеобразия страны и ее суверенитета, который одновременно выступает их защитной оболочкой. Ведь все может ограничиться наличием тех или иных традиций в научной деятельности. Также понятно и то, что национальная школа не отвергает существования общих представлений о хозяйственной деятельности как отражение всеобщего или как описание функционирования мирового хозяйства. Поэтому мировая экономическая наука наряду с множеством научных направлений может быть представлена одновременно как определенный сплав разнородных национальных школ и исследовательских традиций.

Российская экономическая школа: истоки и основания

Обратимся теперь к анализу особенностей развития российской экономической науки, имея в виду обоснованность ее трактовки как самостоятельной (национальной) научной школы. *Первый вопрос*, который в этой связи встает, касается предложенного Л. И. Абалкиным состава экономистов, включенных в эту школу. Действительно, в нее вошли практически все самые известные экономисты России последней трети XIX и до начала 30-х годов XX в. В перечне представлены непосредственно 24 человека, и сам автор вполне допускает дополнение данного списка другими фамилиями¹⁰. Конечно, с точки зрения совпадения целей и методов исследования, идейных и теоретических взглядов позиции включенных в российскую экономическую школу ученых разительно отличаются. Можно согласиться с тем, что если понимать научную школу как ученых, связанных единством взглядов, общностью научных принципов и методов, то основание для их отнесения к общей школе вызывает сомнение. Отсюда и высказываемые соображения о том, что речь должна идти не столько о научной школе, сколько о национальных исследовательских традициях, особенностях национального экономического мышления и т. п.¹¹

Вместе с тем указанные науковедческие критерии, строго говоря, относятся к естественным наукам с их хорошо отработанным научным статусом и исследовательской практикой. В этом смысле экономика как наука, если пользоваться данным термином, не совпадает по своей природе и познавательным возможностям с естествознанием. Поэтому общие критерии научности и формирования соответствующих школ в экономической и в целом социально-гуманитарной сферах должны применяться с осторожностью и без абсолютизации.

Сказанное означает, что даже при наличии общепринятых науковедческих стандартов к характеристике научных школ все же не следует отвергать возможное соединение экономистов с разными взглядами и методами анализа в общий научный формат. Дело в том, что у них было и объединяющее начало, которое обусловлено особым вниманием к экономике России, необходимостью обоснования выбора стратегии экономического развития страны, возможности использования зарубежного опыта, взаимодействия с мировым рынком и т. п. При этом наиболее острым вопросом, объединившим с конца XIX в. и вплоть до революций 1917 г. экономистов практически всех научных направлений, стал вопрос о судьбе капитализма и перспективах экономического развития в России. К этому ключевому вопросу было приковано всеобщее внимание. На него откликнулись представители всех научных течений в экономике. Он стал центральным пунктом споров и выдвигаемых альтернативных подходов. Важно подчеркнуть и то, что это были не отдельные монологи представителей разных научных направлений, не желающих

слушать друг друга, а непосредственное и заинтересованное столкновение аргументов и доводов. Это давало возможность в острой конкуренции идей оттачивать свои позиции и, что немаловажно, способствовало рождению самостоятельных и оригинальных оценок, касающихся экономики России и ее будущего.

Такая общая концентрация внимания на центральной проблеме экономического развития страны, хотя и сопровождаемая неодинаковостью теоретических взглядов и альтернативных оценок, может служить определенным основанием для предположения о возникновении русской научной школы в столь широком составе. Подкрепляет такую возможность и специфика экономического знания, обусловленная относительностью критерия истины и трудностями ее верификации. В конечном счете само первоначальное значение философских школ, возникших в Древней Греции (Пифагор, Платон, Аристотель и др.), было связано как раз с совместным процессом изучения и философствования.

Таким образом, на примере истории экономической мысли России можно считать, что в поворотные периоды развития стран особенно остро складывается потребность в появлении национальных экономических школ, которое определяется актуальностью выбора пути развития из множества альтернативных. В этом случае экономистов объединяет необходимость обращения к общему объекту анализа — сложившейся системе хозяйствования и к поиску наилучшей стратегии развития, в том числе и через прямое столкновение расходящихся позиций в научных дискуссиях. К сожалению, реальный выбор дальнейшего пути развития далеко не всегда определяется весомостью научных аргументов и доводов экономистов, но это уже другая тема.

При наступлении более спокойных периодов в развитии стран такая сложившаяся в широком диапазоне национальная экономическая школа либо распадается по существующим научным направлениям (научным школам в более узком понимании), либо может выдвинуться для разработки новой версии общей экономической теории, альтернативной существующей. В одном случае она трансформируется в экономическую науку (и экономистов) конкретной страны с сохранением своих национальных исследовательских традиций, в другом — выступает как претендент на новую всеобщность и универсальность. В известном смысле послереволюционный период развития политической экономии в нашей стране мог бы достаточно успешно продвигаться по второму пути и претендовать на разработку по-настоящему новой генеральной линии в экономической теории, продолжающей мировую и российскую политико-экономическую традицию, если бы вместо опоры на творческий потенциал экономической науки не возобладал административно-бюрократический диктат с соответствующими негативными последствиями для науки и ее представителей.

Второй дискуссионный вопрос по поводу обоснованности выделения российской экономической науки как самостоятельной школы связан с выдвигаемым разграничением собственно экономической науки и экономической мысли. Странники данного подхода, опираясь на соответствующую трактовку Й. Шумпетера, считают, что в России «не сформировался в полной мере предмет для экономического анализа», а потому «не мог получить широкое развитие и сам профессиональный анализ»¹². Поэтому если и можно говорить о какой-то научной школе в России, то это, в лучшем случае, школа экономической мысли.

Начнем с того, что само разграничение экономической науки, сводимой к анализу, и экономической мысли, определяемой как совокупность мнений, достаточно условно. Может сложиться впечатление, что «экономическая мысль» — это менее качественная деятельность (так как не базируется на «профессиональном анализе»), а экономическая теория как метод («набор инструментов») — это более достойное и «профессиональное»

для экономистов занятие. Однако заметим, что не только в отечественных, но и зарубежных исследованиях сами понятия «экономическая наука» и «экономическая мысль» нередко предстают как синонимы¹³.

Что же касается выделения в структуре экономического знания неакадемического звена, то в таком случае, на наш взгляд, целесообразнее вместо экономической мысли говорить об экономической публицистике.

Кстати, Шумпетер, предлагая исходное определение экономического анализа как знания, вооруженного инструментами, в последующем использовал более расширительное его толкование, представленное как «умение рассмотреть простой факт ...*при свете теоретического сознания*» [22, с. 381]. В таком расширительном варианте оно уже достаточно близко приближается к традиционной (классической) характеристике метода, который понимается в качестве способа (или свода правил и принципов) познания хозяйственной жизни. Это то, что Кейнс-старший удачно назвал «прикладной логикой»¹⁴. При таком подходе использование метода является одинаково объективно необходимой стороной в экономической науке, неразрывно связанной с ее предметом, как бы ни пытаться провести водораздел между «анализом» и «мыслью».

Обратим внимание еще на такую деталь в использовании подхода Шумпетера в классификации истории развития экономической науки. Как уже ранее цитировалось, австро-американский экономист не сводил ее только к сопоставлению истории анализа и истории экономической мысли, выделяя в ней третий компонент — историю систем политической экономии, которая нацелена на обоснование стратегических приоритетов (нормативных принципов) в экономической политике. Поэтому применительно к определению своеобразия российской экономической школы, если и использовать подход Шумпетера, то значительно более предпочтительней представляется ее отнесение к системе политической экономии. Ведь как раз главная сфера несовпадения позиций разных направлений русской экономической мысли, сложившихся в последней трети XIX в., и острота ведущихся дискуссий определялись располосованием идейно-теоретических предпочтений по поводу выбора капиталистического или некапиталистического (социалистического) пути развития России.

Важным аргументом Шумпетера и его сторонников по поводу выбора экономического анализа в качестве объекта истории науки является то, что его изучение позволяет обнаружить прогресс в развитии экономической науки. Такой прогресс нельзя выявить, обращаясь к истории экономической мысли или в исторической последовательности систем политической экономии. Ведь «ранг любой экономической идеи в этой иерархии будет определяться оценочными суждениями ее составителя, его эмоциональными и эстетическими предпочтениями». То же самое относится и к системам политической экономии из-за отсутствия базы для сравнения. Поэтому именно совершенствование аналитического аппарата дает нам возможность «самым непосредственным образом» ощутить прогресс в экономической науке. Таков ход рассуждений Й. Шумпетера по данному вопросу [24, с. 279–280].

Конечно, улучшение техники экономического анализа и использование более совершенных моделей раскрывают важную линию в определении прогресса экономической науки, особенно применительно к реализации ее познавательной функции. Вместе с тем она не единственная. Если же выделять ее как сугубо автономную, то это равнозначно превращению самой науки в некую разновидность «игры в бисер». Поэтому новации в области метода не должны отрываться от содержательной стороны разрабатываемых с его помощью теоретических конструкций и практических рекомендаций. Тем более что в реальной исследовательской практике (в своих текстах) экономисты не занимаются только разработкой моделей, но одновременно дискутируют и обсуждают позиции разных школ, анализируют хозяйственную практику и выдвигают рекомендации и т. п.

Обратим внимание и на такое обстоятельство. Заметный прогресс в технике анализа в экономических исследованиях, который наблюдался в последние десятилетия и в значительной мере был связан с разработкой экономико-математических моделей, тем не менее мало что дал для понимания глубинных и содержательных оснований реального функционирования рыночной экономики. Более того, обостренное внимание к аппаратной части экономической науки, как представляется, стало одной из серьезных причин нарастания разрыва экономической теории и реальной практики. Современный мировой кризис, который произошел внезапно для подавляющей части экономистов-теоретиков, во всяком случае стоящих на позиции мейнстрима, в очередной раз продемонстрировал неспособность доминирующей школы экономического анализа к достоверному прогнозу¹⁵.

В этой связи закономерно, что все большее число экономистов-теоретиков утверждают, что наступил кризис экономического научного знания. При этом подчеркнем, что в значительной степени это кризис именно той части науки, которая главную ставку сделала на аппаратные ее возможности. Поэтому его можно с достаточным основанием трактовать как кризис современной, хотя и продвинутой, конструкции экономического анализа. Об этом же свидетельствует развернувшаяся с конца 1980-х годов в области экономической методологии критика традиционных взглядов на определяющую роль накопленного аналитического аппарата с точки зрения прогностной и даже познавательной функции. Отсюда и сомнения в возможности постижения истины в экономических исследованиях и выдвижение альтернативных трактовок метода (в частности, риторического).

Следовательно, при всей важности для экономической науки используемого аналитического аппарата (метода) его роль не следует преувеличивать и только с ним связывать прогресс самой науки. Важно учитывать, что в этих оценках не менее значимую роль играет реализация экономической наукой практической и прогностической функций. Можно даже утверждать, что действительный прогресс в этой сфере как раз связан с тем, насколько она способна к точным оценкам социально-экономической ситуации, обоснованным рекомендациям в хозяйственной практике и достоверным прогнозам. Во всяком случае, такая трактовка прогресса науки предпочтительна с точки зрения реализации общественного запроса к ней.

Наконец, обратимся к вопросу о том, что собой представляет российская экономическая наука в мировых координатах. Это обширная и давно обсуждаемая тема, а потому рассмотрим ее только под одним углом зрения — насколько основательны ее претензии на статус национальной школы. В силу разных причин данный вопрос в настоящее время привлек повышенное внимание. Интересное совпадение: аналогичные дискуссии также давно ведутся отечественными философами применительно к проблеме национальной школы философии в России¹⁶.

Предварительно заметим, что уже с давних времен в ответе на него сложились два противоположных полюса. На одном полюсе представлена позиция, согласно которой возникновение и развитие экономической науки в России отражает и воспроизводит основные этапы в развитии мировой экономической мысли, а значит, никаких оснований для ее выделения в национальную школу нет. На другом — разрабатывается версия о самостоятельности в становлении и развитии российской экономической науки. Естественно, в таком случае она не просто трактуется как национальная, но нередко обосновываются претензии на ее лидирующие позиции в мировой экономической мысли.

Вполне понятно, что конкретные аргументы, которые современные экономисты выдвигают в доказательство своих выводов по поводу оценки места и роли экономической науки России в мировой, отличаются широким многообразием. Может показаться, что самой постановке вопроса о том, есть ли российская экономическая школа или правильнее

утверждать, что возникли свои исследовательские традиции в области экономики России, присущи чрезмерная отвлеченность и даже искусственность. Однако за ней скрывается центральный пункт разногласий. Он касается степени самостоятельности русской экономической мысли в мировой науке и ее трактовки, а в конечном счете выводит к проблеме национального суверенитета. Именно в этом направлении важно разобраться с тем, какое место занимала она в мире, как формировался ее реальный потенциал в прошлом и что собой представляют перспективы в будущем.

Обсуждая проблемы русской экономической школы, полезно напомнить об аналогичных дискуссиях, ведущихся по поводу самостоятельности отечественной философии. В этой связи сошлемся на суждение известного русского философа В. В. Зеньковского, который утверждал: «Некоторые исследователи предпочитают говорить не о “русской философии”, а о “философии в России”, желая этим выразить ту мысль, что в русских философских построениях нет ничего “специфически русского”, что русская философия не стала еще национальной, т. е. не поднялась до раскрытия и выражения основных исканий русской души» [27, с. 20]. И далее он добавляет. «Ничто так определенно не подтверждает самостоятельность и оригинальность русской философии, как наличность ее *развития* (курсив В. З.)» [27, с. 21].

В современной историко-экономической литературе представлены разные подходы к логике развития российской экономической науки. Так, М. Г. Покидченко понимает ее как «процесс перехода от аутсайдерства к лидерству» [26, с. 10]. При этом к лидерам он относит национальную науку, «выдвигающую оригинальные теории, воспринимаемые другими национальными науками. Лидерство в науке, как правило, соответствовало высокому уровню экономики, общественных отношений и культуры» [26, с. 9]. Следует заметить, что выявление оригинальности теорий как основание для лидерства в науке — дело достаточно сложное и относительное, к тому же вряд ли осуществимое. Как показывает история, в реальной жизни лидерство в экономической науке чаще всего обеспечивалось другими способами и возникало прежде всего вследствие победы в конкурентной борьбе тех или иных национальных экономик. В свою очередь, через последующее утверждение ее доминирующей роли закреплялся успех стран в мировой системе хозяйства.

Но, пожалуй, еще большее возражение вызывает само сведение истории российской экономической мысли к такому переходу от аутсайдерства к лидерству. И вот почему. Во-первых, как пишет М. Г. Покидченко, вплоть до конца XIX в. российские экономисты разных поколений занимались в основном тем, что воспроизводили практически все модные научные течения от меркантилизма до марксизма¹⁷. И только в конце XIX в. экономическая наука России перестает быть догоняющей и входит в группу мировых лидеров. Но здесь есть определенное противоречие, поскольку экономика России в этот период еще далеко отстояла от мирового лидерства. И в то же время почему-то напрочь отбрасывается какая-либо значимая позиция советской школы политэкономии, она считается аутсайдерской. Хотя экономика СССР в тот период по своим объемным показателям достаточно долгий период занимала второе место в мире, между прочим, благодаря в том числе и хозяйственным новациям, связанным, в частности, с первым мировым опытом народнохозяйственного планирования, развитием экономико-математического моделирования. Характерно, что и Нобелевскими премиями по экономике были отмечены ученые (В. Леонтьев, Л. В. Канторович), участвовавшие в их разработке.

Во-вторых, для истории экономической мысли России, на наш взгляд, более принципиальным стал процесс, связанный с углублением и детализацией исследований

о своеобразии хозяйственного устройства в рамках российской цивилизации и в сравнении с другими цивилизационными образованиями¹⁸. Иначе говоря, в сфере экономического знания в России закономерно и под влиянием потребностей хозяйственной практики происходило становление научных представлений о природе особенного в экономических процессах. Ему предшествовали многочисленные дискуссии о самобытности общества и хозяйства России с точки зрения общих философских и историософских рассуждений на данную тему. Самая известная и знаменитая дискуссия по этому поводу имела место в 1830-е годы между славянофилами и западниками.

Потребовался продолжительный период времени, чтобы экономическая тема в рамках философско-абстрактной дискуссии переключила свое внимание на реальную экономику и перешла к изучению проблемы обоснования проводимой политики реформирования и переустройства народного хозяйства. Именно здесь обнаруживается поворотная точка в развитии экономической науки в России, когда она перешла от сугубо образовательного-познавательной деятельности к исследованию реальных проблем экономического развития. В этот период в ней возникают течения, которые преодолевают ученичество и подражание модным экономическим теориям, возникающим на Западе. По-видимому, есть достаточно веские основания считать, что такой разворот происходит в середине XIX в., когда страна вступает в эпоху судьбоносных реформ в экономике и обществе¹⁹.

В этот наступивший новый период в развитии экономической науки России наблюдается определенное размежевание, и в ней формируются две линии. Условно можно считать, что одна ориентировалась на изучение универсально-всеобщего в экономике, другая — на национально-особенное. Причем это относится как к академической науке, так и неакадемической части экономического знания (публицистике). Вполне понятно, что они в каких-то точках непосредственно пересекались, в каких-то расходились и весьма существенно. В одном случае в большей степени можно говорить о продолжении исследований в рамках сложившихся школ в мировой экономике и с ориентацией на чисто научные интересы, добиваясь при этом по ряду направлений новаторских результатов; в другом — о формировании национальной (русской) школы экономической мысли в узком понимании с особым ее вниманием к хозяйственным проблемам России, что в меньшей степени стимулировало самостоятельность и творческий подход в исследованиях.

Вместо заключения: российская школа национальной экономики, ее значение и уроки

Итак, в ходе проведенного анализа можно сформулировать вывод о том, что по мере погружения русских экономистов в трудности переустройства экономики по чужим образцам и осмысления альтернативности хозяйственного развития России закономерно происходило формирование российской экономической школы в ее более строгом понимании, которую уже не только характеризовал пристальный интерес к объекту исследования (экономике собственной страны), но и постепенно складывались единые методологические и теоретические стандарты, вырабатывалось согласованное направление в обосновании экономического курса страны и т. п. Эту школу можно назвать *российской школой национальной экономики*, или *почвеннической школой*. О ней, ее главных достижениях и уроках уже шла речь в ранее опубликованных наших работах [30; 31]. Поэтому ограничимся краткими дополнительными пояснениями.

Названная школа в свой состав включала разные течения (славянофильство, народничество, православно-самодержавную ветвь, евразийство), не говоря уже о множестве

конкретных имен экономистов, формально в них не входивших (к примеру, С. Н. Булгаков, Д. И. Менделеев, С. Ю. Витте). Можно ли ее считать школой русской экономической мысли? На этот счет существуют противоположные взгляды. Так, М. Г. Покидченко высказывает такое мнение: «Казалось бы, вот она — так страстно желаемая нашими “самобытниками” “национальная школа экономической мысли”, но в то же время не надо забывать, что это — историческая школа, зародившаяся в Германии и получившая распространение в России, США, Англии и Франции» [26, с. 15].

Конечно, российскую школу национальной экономики можно и нужно трактовать в координатах мировой экономической науки, помещая ее в ту часть, которая представлена историческими школами или которая вполне соответствует идеологии консерватизма²⁰. Но такая близость с экономическими школами других стран или развитие каких-либо идей с опорой на сложившееся научное направление не разрушает саму конструкцию национальной школы. Еще раз стоит подчеркнуть, что сам ее статус не предполагает что-то существующее абсолютно вне мировой науки, которая и есть совокупность школ и течений, включая национальные их формы. К тому же совпадающие проблемы экономического развития в странах могут создавать объективные основания для их параллельной разработки, так же как и внутренняя логика развития самой экономической науки может приводить к возникновению одной и той же теоретической концепции, не исключая «залповую» разработку общих теоретических проблем экономистами разных стран.

К примеру, «маржиналистская революция», основанная на теории предельной полезности, произошла в начале 1870-е годы благодаря трудам экономистов трех стран — К. Менгера (Австрия), У. Джевонса (Великобритания), Л. Вальраса (Швейцария) — одновременно и независимо друг от друга. При этом М. Блауг обращает внимание на определенный парадокс, связанный с ее началом. Она произошла в странах, непохожих друг на друга своими экономиками, уровнем развития, интеллектуальной атмосферой. «Короче говоря, одновременное открытие предельной полезности действительно требует объяснения, но ни одно из существующих объяснений не удовлетворительно» [32, с. 275]. В итоге своих рассуждений он приходит к выводу, хотя и не бесспорному, о том, что такое одновременное опубликование работ трех экономистов есть «чистое совпадение» [32, с. 286].

Даже если согласиться с суждением М. Блауга по данному вопросу, не следует забывать, что появление научных идей (теорий) и формирование научных школ — это не совпадающие процессы. Научные идеи рождаются порой причудливо и загадочно. Научные же школы имеют более «правильную» логику возникновения и развития, в значительной степени подчиняясь действию объективных факторов и запросам общества. Что же касается российской школы национальной экономики, то в этом случае не столь принципиальное значение имеет ее близость к историческим школам, ранее появившимся в Европе (прежде всего в Германии). Имея свои истоки в них, она развивалась не путем простого копирования и заимствования, а через творческое применение на своем собственном объекте, постепенно оттачивая теоретический подход и выдвигая соответствующие практические рекомендации.

Характеризует ее несколько ключевых оснований: выдвижение «особенного» в экономике, которое они исследовали на примере России, опора на эмпирический метод, учет взаимосвязи экономических и неэкономических факторов в хозяйственном строе и в экономическом развитии, последовательная защита национальных экономических интересов. Это как раз те предпосылки, которые объясняют условия и общие причины возникновения национальной экономической школы. В конечном счете вклад российской школы национальной экономики связан не с воспроизведением постулатов и выводов, заложенных в исторической школе, а с теми новаторскими на тот период

научными идеями и оценками, которые родились в ходе ее развития применительно к экономике России.

Выделим для примера несколько ключевых идей, иллюстрирующих новизну теоретических постулатов, выдвинутых русскими экономистами в период расцвета данной школы. *Во-первых*, одним из главных достижений русской экономической мысли является разработка самой идеи *многообразия* в хозяйственном устройстве и экономическом развитии. В ней представлен один из важнейших аспектов, связанных с гипотезой о возможности возникновения *смешанной, многосекторной* экономики как устойчивого типа организации общественного производства. Она родилась под влиянием накопленного опыта реформирования в нашей стране и была реакцией на многочисленные сбои и неудачи, которые возникали в ходе проведения либерально-рыночных реформ.

Заметим, что в настоящее время трактовка современного хозяйственного строя большинства стран как смешанной экономики кажется элементарной и представлена, наверное, во всех учебниках теоретической экономики. Разрабатываются и соответствующие *модели экономики с неоднородной структурой*. Но в то время, когда создавалась концепция многосекторного хозяйства, в мировой экономической мысли доминировали противоположные взгляды, развивавшие представления о возможности достижения «чистого капитализма» или, как альтернатива, «чистого социализма», с соответствующими теоретическими обобщениями. Причем даже сегодня неоклассическая школа экономического анализа фактически полностью исключает из рассмотрения все еще не преодоленные в развитой рыночной экономике нерыночные уклады, ограничиваясь только взаимодействием государства и рынка, к которому фактически сводится все содержание смешанной экономики.

Во-вторых, российской школой национальной экономики были заложены основы концепции хозяйственного переустройства и экономического развития на собственной основе, позволившие четко и ясно раскрыть содержание российского пути в экономике. Данная концепция давала возможность уйти от подражательной зависимости от Запада в теории и практике, сделать ставку на творческую самостоятельность, заложить основы национального самосознания и мировоззрения.

В-третьих, почвеннической школой был предложен альтернативный вариант осуществления программы обустройства России — через проведение не либерально-рыночных, а национально ориентированных реформ. Тем самым концепция российского пути развития в экономике получила логическую завершенность в виде выработанной адекватной ей программы реформ. Этим отвергался вариант неприятия каких-либо перемен в хозяйственном и политическом устройстве России и одновременно предлагался курс реформ, опирающийся не на достижение каких-либо абстрактных целей, а на реальные возможности и приоритет национальных интересов.

Каковы исторические уроки русской школы национальной экономики?

Исторические уроки ее становления и борьбы за выбор курса реформирования в России свидетельствуют о том, что признание самобытности объекта исследования вполне закономерно направляет общественно-экономическую мысль по оригинальному пути. Такая позиция экономистов-почвенников позволила им первенствовать в постановке ряда важных научных проблем, с которыми впоследствии столкнулась мировая экономика в XX в. Можно сказать, что патриотическое отношение к национальной экономике, к сложившимся традициям хозяйствования и экономическим взглядам (что не исключает, безусловно, необходимости объективного и точного анализа), становится достаточным условием для выработки самостоятельной научной позиции и выдвижения новаторских научных идей.

Второй исторический урок развития российской школы национальной экономики связан с тем, что не все у нее получилось с точки зрения обоснования стратегии и перспектив экономического развития России. Это можно объяснить разными причинами: недооценкой роли разработки научного инструментария (метода), чрезмерной идеологизацией исследований и недостатком внимания к практической стороне выдвигаемых теоретических положений и т. д.

Тем не менее научные идеи, исследовательские традиции и практические рекомендации, рожденные в прошлом в недрах почвеннической школы, не бесполезны для современного этапа проведения масштабных реформ в России. Их современное переосмысление имеет важное значение для точного и глубокого понимания исторических корней российской экономики, оценки и успешного использования накопленного опыта реформирования, признания наличия многовариантности и альтернативности развития на любом его этапе. Это должно приниматься во внимание в поиске наиболее эффективной стратегии преобразования экономики России и усиления ее конкурентных позиций в мировом хозяйстве. Не следует забывать о том, что конкурентные преимущества любой страны в мировой экономике возникают из ее своеобразия и традиций, выступая формой их проявления в создаваемой национальной системе хозяйства, в отработке национального стиля менеджмента и т. п. Поэтому потребность возрождения российской школы национальной экономики в новых исторических условиях определяется данным общественным запросом. В свою очередь, ее перспективы зависят от того, насколько она окажется способной на деле успешно воплотить его в жизнь.

¹ Одним из последних примеров использования такого подхода на примере исследования истории русской экономической мысли является работа Й. Цвайнерта. Обосновывая его целесообразность, немецкий историк исходил из того, что «реальные исторические изменения оказывали существенное влияние на постановку центральных проблем, которыми занимались российские экономисты» ([8, с. 25]).

² В этой связи обратим внимание на известную противоречивость позиции Д. Е. Сорокина и Л. В. Никифорова. С одной стороны, они заявляют о том, что «политическая экономия, как наука, не может быть российской, немецкой, американской и т. д.». С другой — ими же отмечается, что специфика экономической жизни, особые черты и традиции политико-экономической мысли являются «обязательной частью политической экономики как науки» [9, с. 123]. Но разве это не есть основания для возникновения национальных школ экономики?

³ Так, В. С. Автономов по этому поводу пишет следующее: «Специализированная экономическая наука стала возможна, когда выделились экономика как отдельная подсистема общества и экономический человек как отдельная подсистема человеческой личности» (см.: [9, с. 118]).

⁴ Характерно то, что и в истории философских воззрений авторитетные ученые обращают внимание на их связь с социокультурной средой, в которой они формируются. К примеру, известный труд Б. Рассела, посвященный истории западной философии, первоначально в русском переводе назывался «История западной философии» (М., 1959). Хотя полное название этого труда на английском языке было следующим: «История западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями с древнейших времен до настоящего дня» (*Russel B. History of Western Philosophy and its Connection with Political and Social Circumstances from the Earliest Times to the Present Day*). И только уже в современных изданиях название этой книги переведено на русский язык в более точном варианте (см.: [14]).

⁵ Подробнее о соотношении всеобщего и особенного в экономике и в экономической науке см.: [15, с. 235–270].

⁶ Напомню, что первый учебник политической экономики был издан в России в 1815 г., его автором был первый российский академик-политэконом А. К. Шторх. Однако этот учебник («Курс политической экономики, или изложение начал, обуславливающих народное благосостояние») вышел на французском языке. На русском языке его отдельные части были опубликованы в 1881 г. Полностью издание учебника на русском языке было осуществлено в 2008 г. Издательским домом «Экономическая газета» (см. [19]).

⁷ Можно привести такой пример. Если в современных экономических текстах заимствованная лексика составляет 20–30%, то в учебнике А. И. Бутовского на каждые пятьдесят страниц текста приходится примерно одно иноязычное слово (см. [20, с. 36]).

⁸ Отметим, что, по мнению Ю. В. Ольсевича, термин «национальная школа» может быть применен лишь в случае выдвижения приоритета общности национальных интересов. «Исследование системы экономических интересов конкретной нации на определенном историческом этапе ее развития расширяет специфическое видение предмета и метода экономической теории, сама эта теория относительно обособляется и становится «национальной экономией» (см.: [9, с. 35]).

⁹ Есть версия о том, что теория сравнительных затрат Д. Рикардо в обосновании преимуществ свободы торговли была заказана Английским правительством для того, чтобы «научно» доказать, почему Англия в то время должна была торговать сукном, а Португалия — вином. Во всяком случае, спустя два года после публикации книги, в одном из разделов которой указанная теория была представлена, Рикардо получил кресло в палате общин и стал одним из уважаемых ее членов.

¹⁰ «Список Абалкина» состоит из следующих российских экономистов: М. И. Туган-Барановский, Н. Д. Кондратьев, С. Ю. Витте, Д. И. Менделеев, Н. К. Михайловский, М. М. Ковалевский, В. П. Воронцов, А. И. Васильчиков, Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, П. Б. Струве, С. Н. Булгаков, Д. И. Пихно, А. А. Богданов, А. И. Чупров, И. И. Янжул, Е. Е. Слуцкий, В. И. Дмитриев, С. Н. Прокопович, А. И. Билимович, А. В. Чаянов, А. Н. Челинцев, Л. Н. Юровский, Г. А. Фельдман и др. (см.: [9, с. 15–16]).

¹¹ По этому поводу В. С. Автономов, выражая сомнение в существовании единой российской школы, пишет о «национальных традициях в стиле экономического теоретизирования». В свою очередь, Л. Д. Широкоград утверждает: «Правильнее было бы ставить вопрос об особенностях экономической науки в России или об особенностях национального экономического мышления» [9, с. 120; 54].

¹² См.: Автономов В. С. Русская экономическая мысль — заинтересованный взгляд со стороны [8, с. 12–13].

¹³ Например, известная работа по истории развития экономических научных школ, осуществленная экономистами ведущих западных университетов под редакцией С. Вайнтрауба, носит название «Современная экономическая мысль» (М., 1981), (в английской редакции — «Modern Economic Thought»). И вряд ли авторы этой книги согласятся с тем, что они не занимались профессиональным анализом. Или можно привести изданную в нашей стране в 6 томах «Всемирную историю экономической мысли». Еще пример: книга М. Блауга в подлиннике называется «Экономическая теория в ретроспективе» («Economic Theory in Retrospect»), а в русском переводе, осуществленном, кстати, под редакцией В. С. Автономова — «Экономическая мысль в ретроспективе» (М., 1994).

¹⁴ Дж. Н. Кейнс по этому поводу писал: «Что касается метода, то он представляет отдел прикладной логики, так как вопрос о методе есть вопрос о характере логических процессов, специально приспособленных к данной области исследования, и доказательств, которыми она может пользоваться» [23, с. 4].

¹⁵ Характерно, что еще незадолго до нынешнего мирового кризиса немалое число известных экономистов (в частности, Р. Лукас, Б. Бернанки) утверждали, что проблема «недопущения депрессии» решена, «если говорить о ней на практическом уровне». Отсюда следовал вывод, что наступило время заняться более важным вопросом — долгосрочным экономическим ростом (см.: [25, с. 24]).

¹⁶ Нельзя не обратить внимание на уже сложившуюся традицию изучения самобытности в развитии русской философии, которое было представлено, в частности, в трудах В. В. Зеньковского, Н. О. Лосского. О современных взглядах по вопросу возможности выделения «национальной философии» как отражении культурно-типического в самобытном ее содержании см., напр., работу: [26].

¹⁷ Сама по себе такая установка о решающей роли иностранных влияний на возникновение и становление русской экономической мысли вполне трафаретная. К примеру, В. В. Святловский вообще эти влияния сводил к определенной смене «моды» — от немецкой к французской, а затем к английской (см.: [28]).

¹⁸ Характерно, что в том же направлении шло развитие русской философско-обществоведческой мысли. По этому поводу Г. И. Федотов писал: «От Шеллинга и Германии к России и православию — таков «царский путь» русской мысли» [29, с. 86].

¹⁷ Как считает, например, М. Г. Покидченко, «в российской экономической науке середины XIX в. наконец происходит соединение теоретической и практической линии. Университетские профессора (И. Вернадский, И. Горлов, В. Безобразов и др.) в своих научных трудах стали все больше уделять внимания реальной экономике России, приветствуя прогресс в сфере производства и в капиталистических отношениях в целом» [26, с. 14].

²⁰ О связи российской школы национальной экономики с консерватизмом см.: [31, с. 173–192].

1. Штейн В. М. Очерки развития русской общественно-экономической мысли XIX–XX веков. Л., 1948.

2. История русской экономической мысли: В 3 т. / Под ред. А. И. Пашкова. М., 1955–1966. (Вторая часть т. 3 не была опубликована).

3. История политической экономики социализма / Под ред. Д. К. Трифонова, Л. Д. Широкограда. Л., 1983.

4. Экономика русской цивилизации / Сост. О. А. Платонов. М., 1995.
5. Русские экономисты (XIX — начало XX века). М., 1998.
6. Всемирная история экономической мысли: В 6 т. / Гл. ред. В. Н. Черковец. М., 1987–1997.
7. *Barnett V.* A History of Russian Economic Thought Russia. London; New York, 2005.
8. *Цвайнерт Й. И.* История экономической мысли в России. 1805–1905. М., 2008.
9. Очерки истории российской экономической мысли / Под ред. Л. И. Абалкина. М., 2003.
10. Российские экономические школы / Под ред. Ю. В. Яковца. М., 2003.
11. *Уайтхед А.* Избранные работы по философии. М., 1990.
12. *Шумпетер Й.* История экономического анализа // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып.1. М., 1989.
13. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1975.
14. История западной философии и ее связь с политическими и социальными условиями от античности до наших дней. Новосибирск, 2001.
15. *Рязанов В. Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998.
16. *Лал Д.* Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., 2007.
17. *Харрисон Л.* Кто процветает. Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008.
18. О России и русской философской культуре. М., 1990.
19. *Шторх А. К.* Курс политической экономии, или изложение начал, обусловивших народное благосостояние. М.: Издательский дом «Экономическая газета», 2008.
20. Истоки русской политической экономии / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула, 2008.
21. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии. *Витте С. Ю.* По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. *Менделеев Д. И.* Толковый тариф или Исследование о развитии промышленности России и в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года. М., 2005.
22. *Шумпетер Й.* История экономического анализа // Истоки. Вып. 4. М., 2000.
23. *Кейнс Дж. Н.* Предмет и метод политической экономии. М., 1899.
24. *Шумпетер Й.* История экономического анализа // Истоки. Вып.1. М., 1989.
25. *Кругман П.* Возвращение Великой депрессии? М., 2009.
26. *Соколов А. В.* Традиции в философии и национальная философия // История мысли: Русская мыслительная традиция / Под ред. И. П. Смирнова. Вып. 4. М., 2007.
27. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991.
28. *Святловский В. В.* История экономических идей в России // История экономической мысли России. М., 2003.
29. *Федотов Г. И.* Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1992.
30. *Рязанов В. Т.* Российская школа национальной экономии и ее историческое значение // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика. 2003. Вып. 4. С. 3–16.
31. *Рязанов В. Т.* Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике. СПб., 2009.
32. *Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.

Статья поступила в редакцию 6 сентября 2010 г.